Анастасия Пахомова

Судьба в облаках

Анастасия Пахомова
Судьба в облаках

https://litres.ru/74717818
SelfPub; 2026

Аннотация

Клэр Файерхолл привыкла доверять вещам, которые можно разобрать, изучить и починить. Дирижабли подчиняются законам механики, металл предупреждает о поломке, а верный расчёт почти всегда приводит домой.

Магическое проклятие устроено иначе.

После нападения в собственной мастерской Клэр обнаруживает, что её тело меняется, чувства становятся острее, а внутри пробуждается сила, способная однажды заглушить её волю. Пока младший брат пытается удержать обращение, капитан Вольфган Эррол поднимает в воздух «Сапсан». След неизвестного мага ведёт их далеко от Бирмингема — через столичные архивы, заснеженный Север, Восток и земли Западного Союза.

Клэр придётся научиться управлять тем, чего она боится, и довериться людям, которые отказываются оставить её одну. Даже если путь обратно уже не приведёт к прежней жизни.

Новая, сокращённая авторская редакция романа «Судьба в облаках». Основной сюжет и история героев сохранены; текст переработан для более плотного повествования.

Содержание

«Поломка». Глава первая	4
«Поломка». Глава вторая	18
«Поломка». Глава третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анастасия Пахомова
Судьба в облаках

«Поломка». Глава первая

Я просыпаюсь от солнечного луча. Он упирается в щёку, щекочет кожу и настойчиво проверяет: *ты здесь*? Сознание перебирает привычные опоры: утро, мастерская, работа. Всё на местах.

Приподнимаюсь на локте и смотрю в окно. На ремонтной площадке пришвартован дирижабль — вытянутый силуэт, тёмный деревянный корпус и светлый аэростат, стянутый широкими латунными поясами. На борту латунными буквами выведено официальное имя — Peregrine.

Мне известен каждый его винт. Я перебирала рулевую систему, меняла тросы, ругалась с левой турбиной и однажды провела две ночи под кормой, доказывая упрямому подшипнику, что он заменим. После каждой экспедиции корабль возвращается на мою площадку. Вместе с ним возвращается Вольфган — капитан, путешественник, постоянный клиент и надёжный источник раздражения.

Он готов подняться в воздух на машине, которую я собрала, но не готов взять меня с собой, если испытание может закончиться падением. Однажды после полной переборки ру-

левой системы Вольфган принял мои расчёты без единого вопроса, а на проверочный подъём меня не взял. «Ненужный риск», — сказал он тогда. Я не разговаривала с ним три дня.

На четвёртый он принёс сломанный высотомер и сделал вид, что явился исключительно по делу. Я сделала вид, что поверила. Высотомер, между прочим, оказался исправен. В отличие от наших методов примирения.

Я спускаю ноги с кровати, натягиваю рабочую рубаху и комбинезон, собираю рыжие волосы в высокий хвост. Несколько прядей всё равно выбиваются у висков. Заколки давно проиграли эту войну.

В зеркале над умывальником мелькает привычное отражение. Рубаха опять тянет в плечах: годы с тросами и ящиками переделали меня под работу. Я невысокая, крепкая и на ногах стою уверенно. Для изящных обмороков сложение неподходящее, да и свободного времени на них нет.

Ремень с инструментами привычно ложится на талию. На кухне я отрезаю хлеба с сыром и половину съедаю на ходу.

Город за окнами не просыпается — запускается. Бирмингем шипит паром в переулках, гремит воротами цехов, пахнет углём, железом и озоном из квартала магов на Бродстрит. Фонарщики гасят последние газовые рожки. По мостовой катят тележки с углём и грохочут первые кэбы. Подмастерья несут ящики с деталями, конторские мальчики торопятся с папками под мышкой.

На двери мастерской висит потёртая табличка с нашей

фамилией. Родители заказали её, когда мне исполнилось восемнадцать. Отец протянул мне ключи и сказал, что хороший мастер рано или поздно должен получить место, где никто не переставляет его инструменты. Я переспросила, не ошибся ли он дверью и ребёнком. Он ответил, что дверью — возможно, а дочерью доволен.

Тогда мне казалось, что подарить человеку целый цех можно только в шутку. Теперь это мой мир — со всеми его скрипами, счетами, разрешениями и пятнами масла на рукавах.

Рядом с фамильной вывеской висит латунная пластина городского допуска: номер мастерской, знак ремесленной гильдии и вмятина у края, оставшаяся после последней проверки. Эта пластина даёт мне право работать с воздушными кораблями. Без неё первый же инспектор опечатал бы цех, и фамилия Файерхолл здесь не помогла бы.

На площадке уже светло. Металл вбирает утреннее солнце, и от блеска режет глаза. Я подхожу к дирижаблю, провожу ладонью по обшивке и проверяю главное: крепления, тросы, рулевые винты, натяжение боковой растяжки.

Вольфган называет свой дирижабль «Сапсаном». Слово появилось давно, закрепилось незаметно и подходит кораблю куда лучше гильдейской латыни: быстрый, упрямый, созданный для высоты и не умеющий долго оставаться на земле.

На правой стойке нахожу свежий след вибрации.

— Солнце только взошло, а ты уже работаешь, — раздаётся позади низкий голос, сонный и чуть хриплый.

Я не оборачиваюсь.

— Сколько ты спал?

За спиной возникает пауза. Вольфган явно прикидывает, можно ли соврать человеку, который слышит износ подшипника через две перегородки.

— Четыре часа сорок минут.

— Это не сон. Это техническая остановка.

— Мне помогло.

Я подтягиваю крепление и только после этого поворачиваю голову.

Вольфган стоит у трапа и возится с манжетой дорожной рубашки. За ночь щетина стала заметнее, под тёмно-синими глазами легли тени. Свет бьёт ему в лицо, но отойти в тень он, конечно, не догадался. Снова ночевал у штурвала.

Одну манжету он застегнул ровно, вторую — на соседнюю петлю. Человек, замечающий отклонение курса на четверть деления, сегодня не справился с собственной рубашкой.

На рукаве вышит герб Гильдии исследователей: дирижабль, пересечённый стрелкой компаса, и инициалы — *В. Э.* Вольфган Эррол. Чтобы никто не перепутал. Включая его самого после четырёх часов сорока минут сна.

— Почему не спишь? — спрашиваю я.

Он прикрывает глаза ладонью и смотрит на бледное бирмингемское небо.

— Хотел полюбоваться солнцем.

— Можно подумать, ты раньше его не видел.

— Над Бирмингемом оно особенно впечатляет. Каждый луч ведёт неравный бой с сажей.

Я указываю ключом на его запястье.

— Манжета.

На лице ничего не меняется, однако рука замирает.

— Новый способ застёгивать рубашку.

— Смелый.

— Экспериментальный, — отвечает Вольфган, расстёгивая манжету. Со второй попытки пуговица попадает в нужную петлю. — Никому не рассказывай.

— Молчание мастера стоит дорого.

— Внесёшь в счёт.

Я возвращаюсь к стойке.

— Будешь мешаться — зашибу ненароком.

— Я ценю твою предсказуемую нежность, Клэр.

На последнем слове голос у него садится. Вольфган прокашливается и на секунду прикрывает глаза.

Незнакомые заказчики обычно спрашивают, когда вернётся отец. Прочитав фамилию на вывеске, становятся вежливее, но продолжают следить за ключом в моих руках, словно ждут ошибки.

Вольфган ни разу не спросил, когда вернётся отец, не ходил перепроверять мои выводы к соседям и не лез в разобранный узел.

Я всё равно огрызаюсь. Привычка выработалась быстрее доверия: если первой не обозначить границу, кто-нибудь обязательно начнёт говорить медленнее, объяснять очевидное и торговаться за твою же работу.

С Вольфганом сложнее. Тех, кто не верит, достаточно поставить на место. Он верит, слушает и запоминает.

Я снимаю с ремня другой ключ. Работа возвращает телу порядок: плечо тянет, ладони вспоминают вес металла, ступни сами находят устойчивую точку. Я уступаю в силе грузчикам и капитанам, зато умею повторить точное движение столько раз, сколько потребуется, чтобы из мелких усилий снова получился целый корабль.

— На правой стойке пошла вибрация, — говорю я.

Вольфган подходит ближе, но к механизму не прикасается. Правила мастерской он усвоил давно.

— Насколько плохо?

— Пока она только намекает. Ещё один дальний перелёт — начнёт выражаться яснее.

— Тогда меняем.

— А я и не спрашивала.

Вместе с Вольфганом подступает холод утреннего воздуха и знакомый запах кожи и яблока с корицей. Почти пирога — до смешного домашний для человека, способного выстроить оборонительный периметр вокруг чайной чашки.

Он берёт со стола небольшую шестерёнку и перекатывает её между пальцами. Слишком долго. Зубья целы, трещин

нет. Рассматривать там нечего.

— Скажи… ты смогла бы уехать?

Ключ в моей руке замирает.

— Куда?

— На Запад. В Лондон. Не на ярмарку и не в гости. Собрать жизнь в один чемодан и не знать, когда вернёшься.

Лондон.

Когда-то я прикидывала, сколько стоит аренда возле западных доков и поместится ли токарный станок в мастерской шириной в два окна. Представляла другую вывеску над дверью и заказчиков, которые никогда не видели меня двенадцатилетней и не знали отца раньше, чем меня.

Потом родители подарили мне этот цех, брат всё чаще забывал возвращаться из своих опытов к обычной жизни, и отъезд начал походить на неблагодарность.

Хуже всего, что Вольфган запомнил. Я рассказала ему о Лондоне всего однажды, несколько лет назад, разглядывая карту между двумя ремонтами. Потом рассмеялась и сменила тему.

Половину светских разговоров он забывает к следующему утру, зато помнит карту, которую я тогда держала, и улицу возле доков. Очень неудобное качество для постоянного клиента.

— Почему ты спрашиваешь?

Он переводит взгляд на дирижабль.

— Потому что когда-то ты этого хотела.

— Когда-то Ксандр хотел создать вечный двигатель.

— Он всё ещё хочет.

Вольфган кладёт шестерёнку точно на прежнее место. Даже сейчас, когда пальцы выдают напряжение, он совмещает её край со следом в древесной пыли.

— Тебе предложили маршрут? — спрашиваю я.

— Пока нет.

— Тогда зачем этот разговор?

— Я хотел знать твой ответ.

— У меня здесь мастерская, дом, заказы. Ксандр.

— Это список.

— Это моя жизнь.

Он кивает без попытки спорить, и от этого становится только хуже.

Я налегаю на ключ сильнее, чем требуется.

Вольфган достаёт карманные часы, сверяет время и защёлкивает крышку.

— Мне пора в контору. Рассчитывал управиться за два часа, но меня ждут отчёты по экспедиции и совет Гильдии. Если заседание затянется, пришлю записку.

— Значит, к обеду?

— Постараюсь, — отзывается он, делая шаг к трапу, но останавливается и оборачивается. — Я скоро.

— Постарайся не воевать с канцелярией.

— Если они начнут первыми, ничего не обещаю.

У трапа он оборачивается с улыбкой и уходит в город.

Только когда Вольфган скрывается за воротами, я замечаю, что всё ещё держу ключ на весу. Приходится возвращаться к стойке.

На краю стола лежат книги, которые вчера притащил мой младший брат — Ксандр: две по воздушным механизмам, одна по старым магическим контурам и ещё одна явно не по теме — значит, по его мнению, самая важная. Между томами обнаруживается яблоко с одним аккуратным укусом.

Вчера я выдала его брату вместе с прямым указанием съесть целиком. Он же выполнил ту часть распоряжения, которую счёл научно обоснованной. Я кладу яблоко поверх книги по контурам. Возможно, если еда перекроет текст, он случайно заметит её при следующем визите.

Брат живёт в нашей квартире у библиотеки. Там рядом архивы, отцовский стол, мамино кресло у окна и достаточно тишины, чтобы забывать о еде с академической последовательностью.

В доме при мастерской у него тоже есть комната: узкая, заставленная книгами, стеклянными банками и медными стойками. Доску я давно перестала отмывать от меловых кругов. Ксандр ставит опыты, практикуется и остаётся ночевать всякий раз, когда его «ещё пять минут» превращаются в рассвет.

К полудню я меняю два крепления на стойке, подтягиваю трос и разбираю заклинивший фиксатор. Проходит два часа, потом ещё один. Каждый звук у входной двери заставляет

меня поднять голову.

Совет Гильдии способен поглотить человека на полдня и вернуть с кипой бумаг вместо внятного объяснения. Вольфган предупреждал, что может задержаться. Кроме того, он взрослый мужчина, капитан и профессиональный исследователь. Всё перечисленное не мешает ему время от времени поступать как упрямый идиот, но сегодня я великодушно оставляю эту возможность без проверки.

Около четырёх часов дня я сажусь на пороге с хлебом, сыром и кружкой остывшего чая. Дирижабль заслоняет половину неба, по его обшивке медленно ползёт солнечный блик.

Если Вольфган собирался предложить мне Лондон, он выбрал отвратительный способ. Если не собирался — ещё хуже.

Я откусываю хлеб и позволяю себе ровно минуту представить другую дверь, другую вывеску и незнакомую улицу за окном. Потом из соседнего двора доносится грохот, чай окончательно остывает, и минута заканчивается.

Ближе к вечеру город постепенно пустеет. Ученик из соседней лавки забирает заказанные заклёпки, курьер приносит счёт за уголь, на улице редеют шаги. Газовые фонари вспыхивают один за другим, и мокрая мостовая начинает блестеть в их свете. Записки по-прежнему нет.

Внизу звенит колокольчик у входной двери. Дважды: коротко, с паузой. Вольфган всегда звонит именно так. Даже дверному колокольчику он не доверяет полностью.

Напряжение между лопатками ослабевает прежде, чем я успеваю на себя разозлиться.

— Открыто! — кричу я.

Колокольчик ещё покачивается над дверью, постепенно затихая.

Я откладываю отвёртку.

— Вольф?

С улицы доносится стук колёс. В соседнем доме закрывают ставни, в глубине мастерской остывает металл. Всё на местах.

Кроме Вольфгана.

Я беру разводной ключ — по привычке, как универсальный ответ на любое «что-то не так», — и спускаюсь. В холле никого.

К боковому окну подхожу так, чтобы не вставать напротив стекла, и смотрю на улицу. У ворот пусто. Только хвост кэба исчезает за перекрёстком. На кухне остывает чайник. У двери лежит узкая полоса света, разрезанная рамой на три части.

Со стороны двора едва слышно скрипит петля. Я замираю: служебная калитка должна быть закрыта. Я сама проверяла её после ухода курьера.

Пальцы плотнее обхватывают рукоять ключа. Я открываю дверь в мастерскую и двигаюсь вдоль стены. За спиной остаётся рычаг паровой сирены. Если понадобится, до него три шага.

Калитка приоткрыта на ширину ладони. За ней темнеет проход между домом и складом. Я не выхожу сразу.

— Кто здесь?

В мастерской так бывает перед обрывом перегруженного троса: металл ещё молчит, ничего не треснуло, а тело уже понимает, что времени осталось мало. Я отступаю к сирене.

В дальнем углу двора движется тень. Человек отделяется от стены и выходит на свет газового фонаря.

На нём тёмный плащ с высоким воротом. Ни привычных пуговиц, ни заметных швов — вещь сшита не по-бирмингемски. На груди узкая металлическая застёжка с восточным узором. На левой руке кольцо с плоской печатью. Лицо скрыто капюшоном.

Звон складывается в правильный порядок. Незнакомец позвонил как Вольфган: коротко, пауза, второй звон. Этот порядок знают двое, и один из них должен находиться в Гильдии.

Значит, либо Вольфган прислал кого-то вместо себя, либо наш сигнал знает человек, которому знать его не положено. Первая мысль успокаивает ровно на один вдох.

Я опускаю ключ вдоль бедра, прикрывая его фартуком. Незнакомец встал между мной и сиреной; до двери я тоже не доберусь раньше него.

Смещаюсь ещё на полшага, сохраняя между нами верстак и не позволяя ему закрыть дверь окончательно. Под подошвой тихо скрипит металлическая стружка. Звук выходит

слишком отчётливым.

Незнакомец медленно откидывает капюшон. Лицо у него обычное. Такое можно встретить в очереди, увидеть напротив в омнибусе и забыть через минуту. Может, я принимаю осторожность за угрозу? Может, передо мной человек, которому просто велели найти мастера Файерхолл?

Всё портят глаза. Они скользят по ремню с инструментами, рукам, ногам, расстоянию до сирены. Задерживаются на ключе возле моего бедра.

— Чем могу помочь? — спрашиваю я.

Голос звучит ровно и по-деловому. Так я разговариваю с заказчиками, которые ещё не решили, будут ли платить. И с механизмами, которые могут взорваться от неверного движения.

Незнакомец чуть наклоняет голову, затем делает шаг. Не на меня — в сторону, перекрывая путь к рычагу.

Я поднимаю ключ.

— Ещё один шаг, и помощь вам понадобится больше, чем мне.

Он не отвечает. На металлической застёжке вспыхивает тонкая линия, и в воздухе появляется запах озона.

Я разворачиваюсь к сирене. Пальцы разжимаются, ключ ударяется о камни.

Я пытаюсь согнуть хотя бы один палец, сделать шаг. Тело слышит команду, но команда приходит не от меня. Незнакомец приближается спокойно.

Заставляю левую ногу сдвинуться на несколько сантиметров. Колено дрожит, подошва скребёт по камню.

Недостаточно.

Он перехватывает мою руку выше локтя, не давая упасть сразу. Короткий удар приходится сбоку под ухо, и двор наклоняется.

Последними я вижу раскрытую калитку, ключ на камнях и золотой край «Сапсана» над крышей.

Вольфган обещал вернуться.

«Поломка». Глава вторая

С каждым ударом пульса молоток проходит по обоим вискам — кто-то внутри взялся собирать дирижабль без чертежа и явно торопится. Я приоткрываю глаза. Передо мной расплывается тёмный силуэт, рядом движется свет. Темнота возвращается, но со второй попытки мне удаётся удержаться.

Во рту сухо. Руки затекли, тело выполняет команды с задержкой. Значит, пролежала я не час и не два. Я медленно приподнимаюсь, цепляясь за край койки, и жду, пока помещение перестанет двигаться отдельно от пола.

За ушами тянет. Боль сидит ниже, под кожей, и медленно ползёт к затылку. Пальцами проверяю шею, основание черепа, место под ухом. Припухлости нет. Кожа не горячая. Только неприятное внутреннее давление, которому там нечего делать.

Я втягиваю воздух. Корица. Печёное яблоко. Чёрный чай, кожа и немного кедра. Под ними проступает машинное масло.

Либо я окончательно повредила голову, либо нахожусь на корабле Вольфгана. Второе пока удобнее.

Открываю глаза полностью. Тёмная деревянная обшивка, латунные крепления, узкая койка. На полке над столом всё лежит с той степенью точности, которая у обычного человека

называется порядком, а у Вольфгана — минимальными требованиями к существованию. Карты свёрнуты в трубки одного размера, часы закреплены в держателе, дорожный кофр придвинут к стене.

Личная каюта капитана.

Почему я здесь?

Последнее воспоминание возвращается обрывками: открытая калитка, человек в тёмном плаще, вспыхнувшая линия на застёжке. Запах озона. Ключ, выпавший из руки. И два звонка: короткий, пауза, второй.

От мысли, что незнакомец скопировал привычку Вольфгана, становится холоднее, чем от металлической стены за спиной.

У порога тянется тонкая светлая линия. Мел смешан с солью и сухим воском. В углу лежит маленький камень с насечкой; в глубине мерцает пепельно-голубой огонёк.

Контур.

Ксандр рисовал их с детства — на досках, стекле, старых чертежах, однажды на кухонном столе. Мама неделю называла его нашим маленьким разрушителем мебели, а брат пытался доказать, что стол получил дополнительную защиту и должен быть благодарен. С возрастом линии перестали быть игрой.

Один контур запирает вход надёжнее засова. Другой предупреждает о чужой магии. Удерживающий принимает удар на себя и передаёт тому, кто замкнул схему. Обычно вторым

концом оказывается Ксандр.

Но этот камень почти не расходует силу. Контур ждёт внешнего воздействия. Значит, воздух в каюте натянут не для того, чтобы удержать меня. Он защищает от того, что может войти.

Я опускаю ноги на пол. Колени на секунду подламываются, но голова уже выстраивает привычный порядок: опора, обзор, выходы, источники опасности.

Паниковать будем после диагностики.

Медленно выхожу из кабины на открытую палубу. Ночь встречает холодом и влажным ветром. «Сапсан» стоит над моей ремонтной площадкой, удерживаемый швартовочными тросами.

У ограждения сидит Вольфган. Локти лежат на коленях, сцепленные руки опущены между ними. Он смотрит на город, но по неподвижным плечам видно: ничего там не замечает.

Я задерживаюсь на пороге. Доска едва слышно скрипит.

— Ты проснулась, — говорит он, не оборачиваясь.

— Выдающаяся наблюдательность.

Голос царапает горло.

Вольфган поднимается так быстро, что ладонь на мгновение ложится на рукоять кортика. Увидев меня, он убирает руку. От утренней усмешки не осталось следа. Только собранность, доведённая до предела.

— Не спеши. Если закружится голова, сядь.

— Я ещё стою.

— Вижу. Поэтому пока не вмешиваюсь.

Он подходит, но останавливается на расстоянии шага.

— Я видела человека в капюшоне, — говорю я. — Он позвонил как ты. Потом на его застёжке вспыхнула линия. Дальше ничего.

Вольфган кивает, рассматривая след под моим ухом.

— Когда ты вернулся, он ещё был там?

— Нет.

Ответ выходит коротким и слишком ровным.

— Меня задержали в конторе. Отчёт, повторный разбор экспедиции. Я отправил записку, но курьер принёс её обратно: дверь была заперта, — говорит Вольфган, поправляя манжету. Пуговица находится в правильной петле, однако он проверяет её ещё раз. — Когда я добрался до мастерской, уже стемнело.

— Следы были?

— Один человек. Мягкая обувь, узкая подошва. Вошёл через служебную калитку и ушёл там же. На камнях остался серый налёт — след магической печати.

Большой палец снова касается пуговицы.

— Я сказал, что вернусь к обеду.

— Ты не мог знать, что на меня нападут.

— Не мог. Но меня не было рядом.

— Вольф.

Он поднимает взгляд.

— Человек пришёл подготовленным. Он знал дом, твой сигнал и владел магией. Это сделал он. Не ты.

— Я понимаю.

— Ты сейчас просто повторяешь за мной. А сам продолжаешь считать, на сколько часов опоздал.

Он проводит большим пальцем по костяшке. Кожа там содрана, в неглубоком порезе запеклась кровь.

— Я нашёл тебя без сознания, Клэр.

Правильного ответа у меня нет.

— Но нашёл, — отвечаю я.

Вольфган поднимает голову.

— Нашёл, — повторяет он.

— Почему я на корабле?

Вольфган снова собирается. Вопрос возвращает ему задачу.

— Дом был открыт, защитные линии не отвечали. Я не знал, что нападавший оставил внутри. Перенёс тебя сюда после осмотра врача.

— Врача?

— Судового. Он проверил место удара, дыхание и реакцию зрачков. Повреждения, которое могло бы объяснить потерю сознания, не нашёл. Через шесть часов осмотрел тебя снова.

— И?

— Сказал, что ты спишь слишком спокойно для человека с таким пульсом.

— Обнадёживает.

— Мне тоже не понравилась формулировка.

Он кивает на каюту.

— На «Сапсане» я контролирую два входа. При необходимости могу поднять корабль и уйти со стоянки.

За ушами снова тянет. Я прижимаю пальцы к шее.

— Ты не приходила в себя почти сутки.

Мысль падает тяжело и сразу занимает всё свободное место.

— Сколько?

— Двадцать один час.

Я отсчитываю их назад. Нападение произошло ещё до наступления темноты; значит, Вольфган провёл на корабле всю ночь и почти весь следующий день.

— Ты всё это время был здесь?

— Я отходил отправить записки.

— Значит, почти всё.

— Корабль сам себя охраняет хуже, чем утверждает изготовитель.

Ответ слишком подробный, чтобы считаться возражением.

— Кому записки?

— Ксандру и магистру.

Я киваю на линию у порога.

— Это твоя работа?

— Готовый гильдейский контур. Я замкнул его сигналь-

ным камнем.

— Сам?

— Замкнуть готовую схему способен любой человек, который умеет читать инструкцию и не наступать на линии.

— Ксандр был бы глубоко оскорблён таким определением магии.

— Именно поэтому я не собираюсь ему рассказывать.

Ноги начинают дрожать. Я опускаюсь на ограждение, пока они ещё позволяют сделать это самостоятельно.

Вольфган садится рядом. Он меня не касается, но свободную руку кладёт на доски возле моего бедра — успеет подхватить, если палуба снова уйдёт из-под ног.

Так и происходит. Я хватаю его за запястье и сжимаю кожаную манжету. Он поворачивает руку ладонью вверх.

Когда горизонт выравнивается, я его отпускаю.

— Голова.

— Понял.

Головокружение проходит, но запах Вольфгана остаётся непривычно резким. От портупеи тянет мокрой кожей и холодным металлом; от рубашки — чаем, корицей и печёным яблоком. Я различаю можжевельник из дорожного кофра и кедр, впитавшийся в обшивку «Сапсана».

Раньше всё это смешивалось в один знакомый запах, заметный лишь тогда, когда Вольфган склонялся над верстаком. Теперь я могу определить источник каждого оттенка.

Я сжимаю ограждение. Моё тело начало работать иначе.

— Клэр.

Я не сразу поворачиваюсь.

— Ты меня слышишь?

— Да.

Вольфган ждёт. Ответ его не убеждает.

Я отворачиваюсь к городу. Бирмингем по-прежнему шипит паром и гремит механизмами, но сквозь уголь, мокрое железо и речную сырость я всё ещё чувствую Вольфгана рядом.

***

Ксандр появляется перед рассветом. Поднимается по трапу почти бегом, одной рукой придерживая очки, другой — дорожный саквояж, набитый книгами. Рубашка застёгнута не на те пуговицы, рыжие волосы торчат во все стороны.

Увидев меня на палубе, он резко останавливается. Плечи опускаются — только на секунду.

— Ты сидишь, — говорит он.

— В нашей семье сегодня день выдающихся наблюдений?

Ксандр не отвечает. Ставит саквояж на доски и опускается передо мной на корточки.

— Посмотри на свет.

Я послушно смотрю. Ксандр проверяет зрачки, пульс, место удара. Пальцы у него холодные и едва заметно дрожат.

— Координация? — уточняет брат, поправляя очки.

— Возвращается.

— Тошнота?

— Нет.

— Изменения слуха? — спрашивает Ксандр, беря из саквояжа блокнот и записывая ответы.

— Пока нет.

— Зуд?

— За ушами.

Карандаш останавливается.

— С обеих сторон?

— Да.

Он осторожно ощупывает кожу, затем переходит к контуру у порога. Долго рассматривает светлую линию, проверяет насечку на камне и только после этого разворачивает свёрток с серым налётом, который Вольфган соскоблил во дворе.

Несколько крупинок прилипли к стеклу. Ксандр подносит его к свету, потом снимает очки и начинает протирать их краем рукава.

— Ну? — спрашиваю я.

— Воздействие направленное. След закреплён печатью и связан с внутренним откликом.

— Каким?

— Пока не знаю.

Он надевает очки и снова смотрит на образец.

— Частицы не содержат активной магии. Они только сохраняют направление, как стрелка компаса после сильного

поля. Значит, основное воздействие уже находится не здесь.

Палец Ксандра зависает над стеклом.

— А во мне, — заканчиваю я.

— Вероятно.

Вольфган отходит от ограждения.

— Что нужно, чтобы выяснить точно?

Ксандр закрывает образец пробкой.

— Архивы. Старые записи о магических метках, изменении формы.

— В Академии?

— Основной фонд закрыт. Копии хранятся в Гильдии, в Сансити.

Вольфган уже достаёт часы.

— Мой допуск откроет хранилище.

Он собирается лететь в столицу сразу и вернуться к полудню. Перед отлётом предлагает взять меня с собой. Формулирует это как разумную меру безопасности, но слишком часто смотрит в сторону гильдейского лазарета.

— Нет, — отвечаю я.

— Тот, кто напал на тебя, знает мастерскую, — говорит Вольфган, застёгивая ремень портупеи.

— Именно поэтому я не собираюсь отдавать ему ещё и дом.

— Речь не о доме.

— Для меня — о нём.

— Почему ты хочешь остаться? — спрашивает он, по-

смотрев сначала на меня, затем на закрытую дверь мастерской.

Вопрос звучит иначе, чем приказ: он действительно ждёт ответа.

— Здесь защита, инструменты и знакомое пространство. Со мной будет Ксандр.

— Я останусь.

— Тогда никаких одиночных выходов. — Вольфган выдыхает и продолжает уже твёрже: — Если зуд усилится, вы уходите в дом и замыкаете внутренний контур. Сигнальный камень не трогать.

— Я умею обращаться с камнями, — говорит Ксандр.

— Я обращаюсь к женщине, которая считает запрет на работу неточной формулировкой.

— Справедливо, — признаёт брат.

— Предатель, — говорю я, глядя на него.

— Я исследователь. Мы зависим от достоверности наблюдений.

Ксандр проверяет старые линии, спрятанные в пороге и оконных рамах. Отец заложил медную сетку ещё при перестройке мастерской, мама настояла на камнях по углам, а брат позже вписал в конструкцию контуры.

Семейная версия здравого смысла: если уж строить дом, то так, чтобы незваному гостю пришлось сначала поссориться с инженерией, потом с магией и лишь после этого — со мной.

Вольфган вставляет сигнальный камень в углубление у порога. По щели между досками и камнем проходит тонкая пепельно-голубая линия, находит старую медь и замыкается по всему периметру.

— Если защита сработает, камень на «Сапсане» отзовётся, — говорит он.

Я складываю руки на груди.

— Возвращайся с ответами, капитан.

— К полудню.

Вольфган сверяется с часами. На этот раз он назвал срок после расчёта маршрута.

«Сапсан» снимается со швартовов через несколько минут. Винты набирают ход, тросы уходят вверх, и тёмный корпус поднимается над крышами. Золотые линии на светлом аэростате вспыхивают в утреннем солнце.

Ксандр стоит рядом, пока корабль не исчезает за дымом. Затем брат берёт образец серого налёта и направляется к верстаку. Я перехватываю стеклянную трубку прежде, чем он успевает её открыть.

— Ты идёшь спать.

— Я должен наблюдать за изменениями.

— Наблюдать будешь, когда перестанешь видеть два верстака вместо одного.

— Я вижу один.

— Ты смотришь между ними.

Некоторое время Ксандр оценивает расстояние с болез-

ненной серьёзностью.

Я ставлю перед ним хлеб, сыр и кружку чая.

— Сначала ешь. Потом спишь.

— Если состояние изменится, ты должна меня разбудить.

— Разбужу.

Он не двигается.

— Обещаешь?

— Ксандр.

— Это не ответ.

— Обещаю, — говорю уже без насмешки. — Если зуд, запахи или боль усилятся, я разбужу тебя сразу.

Плечи Ксандра немного расслабляются. Он съедает хлеб, выпивает чай и уходит в свою комнату при мастерской. Дверь оставляет приоткрытой.

К десяти утра на вторую площадку приводят небольшой гильдейский курьерский дирижабль. Его должны были доставить ещё вчера для замены кормового крепления, но расписание Гильдии переживает события мира с завидным равнодушием.

Я собираюсь только принять корабль и проверить, не развалится ли он на площадке. Пять минут, не больше.

Пилот протягивает мне ведомость.

— Сказали оставить до завтра.

— Оставляйте. К механизму не прикасаться, паровой клапан не открывать.

— Нам велели разгрузить ящики.

— Тогда разгружайте ящики и радуйтесь, что они не прикручены к двигателю.

Пилот оглядывает меня, решает не спорить и уводит людей.

Я обхожу корпус, проверяю натяжение тросов и поднимаюсь на нижнюю площадку.

На кормовом креплении виден сухой серый налёт. Сначала принимаю его за графитовую пыль. Такие следы остаются после долгой стоянки рядом с подъёмными механизмами. Потом замечаю, что частицы лежат слишком ровно — тонкой дугой вокруг болта.

Точно такой же налёт Вольфган соскоблил с камня во дворе.

Я замираю, не касаясь крепления. Курьерский корабль всё утро простоял на моей площадке, а до этого несколько дней находился в гильдейском ангаре.

Отступаю. Нужно разбудить Ксандра.

Поворачиваясь к лестнице, задеваю пальцем острый край скобы. Короткая боль проходит по руке.

— Проклятье.

У ногтя собирается маленькая капля крови. Обычный порез. У механика руки в царапинах треть жизни.

Достаю ветошь, но серый налёт на креплении шевелится. Частицы собираются ближе друг к другу и вытягиваются тонкой линией к моей руке.

Я отдёргиваю ладонь. Запах крови достигает меня раньше

боли. Под маслом, смолой и горячим металлом проступает тёплый солоноватый след.

Во рту собирается слюна.

Сглатываю и смотрю на каплю возле ногтя. Желудок не сводит от отвращения. Тело требует наклониться ближе и вдохнуть ещё раз.

Я зажимаю палец ветошью и спускаюсь с площадки.

Резьба на креплении. Царапина на скобе. Узел на тросе. Я перечисляю детали, возвращая мыслям форму.

За ушами начинает тянуть. Давление быстро превращается в боль.

— Ксандр!

Голос срывается и тонет в шуме соседнего цеха.

До комнаты брата всего несколько шагов, но ноги разворачивают меня обратно к дирижаблю. Я упираюсь ладонью в стену и пытаюсь перенести вес на другую ступню. Мышцы сопротивляются, будто команда пришла не от меня.

Запах крови тянет к площадке. Вдох застревает в горле.

— Нет.

Боль сгибает пополам. Колени ударяются о доски. Сначала жжёт под кожей, потом в костях, затем сразу везде. Пространство сжимается до пола, собственной руки и бешеного пульса.

Я поднимаю пальцы. Ногти вытянулись, потемнели и заострились.

Когти.

Моргаю до боли в глазах. Изображение остаётся прежним.

По запястью проступают чёрно-рыжие волоски — сначала редкие, затем всё гуще. Зуд за ушами раскалывается. Изнутри давит новая форма, и кожа натягивается под ней.

— Нет…

Собственный голос пугает сильнее когтей. Низкий, сорванный, незнакомый.

Я пытаюсь стереть шерсть, содрать её вместе с сажей и кровью. Пальцы скользят по волоскам, паника бьёт в виски.

Нужно к Ксандру.

Я добираюсь до лестницы и хватаюсь за перила. Когти царапают дерево. Нога цепляется за ступеньку, пол подлетает навстречу, воздух выбивает из груди.

Несколько секунд я лежу, вцепившись в доски. Этого не может быть. Сейчас пройдёт.

Над площадкой нарастает гул винтов. По высоте звука я узнаю «Сапсан» ещё до того, как его корпус закрывает свет над окнами. Вольфган заходит на стоянку слишком быстро и выпускает швартовочные захваты почти над самой крышей.

Он вернулся к полудню.

Я пытаюсь подняться, но тело наливается тяжестью. В голове шумит, давление растёт. Металл снаружи отвечает ударом швартовочного захвата. По палубе проходят быстрые шаги. Звенит лестница.

— Клэр!

Голос Вольфгана прорезает шум. Низкий, собранный, без

паники.

Я хочу ответить. Из горла вырывается хриплый звук.

Вольфган появляется в дверях и резко останавливается. Его взгляд проходит по окровавленной ветоши и задерживается на моих руках.

Он опускается на колено.

— Клэр. Посмотри на меня.

Я хочу сказать: «Не командуй». Получается только судорожный вдох.

В двери дома появляется Ксандр. Он налетает плечом на косяк, поправляет очки и уже через секунду опускается рядом со мной.

— Не трогай, — выдавливаю я.

Слова царапают горло. Вольфган убирает протянутую руку.

— Не трогаю.

Он не отводит глаз от моего лица.

Ксандр подходит ближе.

— Ксандр, — говорит Вольфган. — Что тебе нужно?

— Освободи место. Убери металл от линии и не входи внутрь после замыкания.

Вольфган одним движением отбрасывает ключ и ветошь, затем отступает ровно настолько, насколько требуется. Мел скребёт по доскам.

— Клэр, останься в центре, — говорит Ксандр.

Его голос тихий и точный. Только дыхание сбивается по-

сле каждой линии.

— Я стараюсь.

— Знаю.

Он достаёт из кармана первый камень и ставит у моей правой руки. Второй ложится за спиной. Третий — возле ступеней.

В воздухе поднимается запах соли, мокрого камня, бумаги и воска. В нём узнаётся Ксандр — привычная тишина библиотеки, нарушенная озоном.

— Что происходит? — спрашивает Вольфган.

— Воздействие меняет форму. Мне нужно отделить его импульс.

— Ты сможешь?

Мел в пальцах Ксандра замирает.

— Должен.

Он заканчивает окружность. У порога отзывается сигнальный камень. Тонкий звук проходит по мастерской и попадает точно в начальную точку контура.

Линия замыкается серебристым светом, воздух вокруг меня натягивается — по контуру проходит первый удар.

Ксандр резко втягивает воздух. Его плечо дёргается, пальцы с мелом прижимаются к полу. Нагрузка находит второй конец.

Боль под кожей не исчезает. Когти врезаются в доски, запах крови остаётся слишком ярким. Но движения замедляются. Между импульсом и телом появляется узкий проме-

жуток.

Достаточный, чтобы снова испугаться.

— Ксандр…

— Я здесь, — отвечает Ксандр, поднимая голову. Очки съехали на переносицу, по виску стекает пот.

По линии проходит новый удар. Камень возле его руки вспыхивает, и пальцы брата сводит судорогой.

Вольфган делает шаг.

— Не входи! — голос Ксандра впервые срывается. — Если разорвёшь линию, я не удержу повторное замыкание.

Вольфган останавливается у самого света. Каждая мышца напряжена, но он остаётся снаружи.

Мысли начинают рваться. Голоса отдаляются, слова теряют форму. Кто-то снова зовёт меня по имени.

Я открываю глаза шире. Вижу белую полосу мела на дрожащих пальцах Ксандра. Его лицо уже белее линии, а правая рука плохо слушается.

За контуром стоит Вольфган. Он тянет ко мне ладонь, но останавливает её в нескольких сантиметрах от моей щеки.

Ждёт разрешения, которого я сейчас не могу дать.

«Поломка». Глава третья

Темнота держит меня где-то ниже комнаты. Голоса доносятся сверху, приглушённые и неровные. Ксандра узнаю сразу и держусь за его голос, пока сознание медленно возвращается.

— …если температура снова поднимется?

— Гаси контур сразу.

Брат говорит быстрее обычного, тщательно отделяя слова друг от друга. От него пахнет белым чаем, бумагой, чернилами и свечным воском. Через равные промежутки шуршит ткань: Ксандр поправляет рукав, скрывая дрожь в руке.

Откуда я это знаю?

Второй голос ниже. Спокойствие в нём держится на усилии.

Вольфган.

Корица, печёное яблоко, кожа и холодный воздух помогают вспомнить, где верх. Хочется поверить: достаточно вдохнуть глубже — и всё станет как прежде. Не становится.

По рёбрам прокатывается жар. Тело дёргается, стремясь развернуться, и контур сразу стягивается вокруг груди. Давление нарастает, пока движение под кожей не затихает.

Веки поддаются не сразу. Комната собирается из пятен, теней и тонкой полосы света под дверью.

Потолок знакомый. Моя спальня при мастерской.

Облегчение длится один удар сердца. Затем возвращается память: серый налёт, кровь на пальце, когти, серебряная линия на досках и лицо Ксандра, ставшее белее мела.

Руки взлетают перед глазами. Светлая кожа, короткие ногти со сбитыми краями, под одним — тонкая полоска масла. Передо мной снова обычные человеческие руки.

Я сажусь и хватаюсь за край кровати. Комната уходит в сторону. Голова ноет, колено перетянуто бинтом. На мне широкая мужская рубашка с закатанными рукавами, пахнущая кедром, кожей и едва заметной корицей.

Лучше не думать, что произошло с моей одеждой и кому пришлось решать эту задачу.

Разбираю пальцами спутанные волосы и натыкаюсь на мягкую шерсть. Осторожно ощупываю макушку.

В человеческом теле этому взяться неоткуда.

До зеркала добираюсь, держась за стену. Отвернуться хочется сильнее, чем посмотреть, но неизвестность уже успела собрать в голове варианты один хуже другого.

В зеркале — моё лицо, только собрано оно будто по испорченному чертежу. Волосы спутаны, на коже свежие царапины, серо-зелёные глаза стали светлее.

Из волос торчат рыжие лисьи уши. Они поворачиваются вслед за каждым звуком и прижимаются к голове, когда за стеной хлопает дверь.

Опускаю взгляд. За спиной медленно движется пушистый хвост.

— Пресвятые дирижабли…

Поворачиваюсь боком, наклоняю голову, подхожу ближе к зеркалу. Отражение послушно повторяет каждое движение. Прибор работает исправно; не верить показаниям не получится.

Уши поворачиваются к двери раньше, чем я слышу шаги. Тихие и осторожные. Ксандр с детства ступает так, когда несёт нечто хрупкое или надеется не встретиться с последствиями собственного эксперимента. Запах бумаги и чернил становится ближе.

Щёлкает ручка.

Брат входит в тёмном жилете и рубашке со стоячим воротником. Ученический знак младшего мага висит на цепочке у лацкана. Очки съехали на переносицу, зачёсанные назад волосы уже растрепались. Под голубыми глазами залегли серые тени, у нижнего века лопнул сосуд.

Судя по виду, после вчерашнего он так и не лёг.

Он останавливается у двери. Взгляд быстро проходит по моему лицу, рукам, ушам и хвосту.

— Привет, сестрёнка, — произносит он своим обычным негромким голосом. — Скажи, что сейчас болит.

Я не могу выбрать, с чего начать.

— У меня уши.

— Вижу.

— И хвост.

— Тоже вижу.

— Тогда зачем ты спрашиваешь, что болит?

Ксандр поправляет очки.

— Потому что наличие хвоста не исключает головной боли, нарушения координации или внутреннего кровотечения.

Ксандр уже потянулся за блокнотом. Значит, собирается измерять, записывать и делать вид, что хвост можно внести в таблицу.

— Объясни, что происходит.

Последние слова выходят тише, чем я хотела. Ксандр делает шаг ближе, но не подходит вплотную. Смотрит на мои уши и ждёт, пока они перестанут прижиматься к голове.

Из коридора доносится второй голос:

— Клэр.

В дверях стоит Вольфган. Волосы ещё влажные после умывания, рубашка та же, в которой он вернулся вчера. Он открывает рот, замечает мои уши и на несколько секунд забывает приготовленную фразу.

— Лисёнок, — вырывается у него.

Хвост шуршит по покрывалу. Ксандр медленно поворачивает голову к капитану; Вольфган остаётся неподвижен, только на скулах выступает цвет.

— Нет. Не то слово. Прости. Клэр, тебе лучше сесть.

— Лисёнок?

Хвост за спиной резко взмахивает и ударяет по краю кровати. Вольфган следит за ним глазами.

— Я не выспался.

— Ты никогда не высыпаешься. Раньше это не заставляло тебя давать имена частям моего тела.

Ксандр прижимает пальцы к переносице.

— Если мы закончили выяснять терминологию…

— Мы только начали, — говорю я.

На правой ладони Вольфгана замечаю свежий ожог — узкую красную полосу. Он сразу убирает руку в карман, но поздно. Так обжигаются, если слишком долго держат активный камень и не отпускают, когда контур начинает отдавать накопленное тепло.

Под ногтями Ксандра забился мел, два пальца перевязаны узкими полосками бинта. Правую кисть он держит слишком неподвижно.

Страх отступает. Злиться на них обоих привычнее, да и хвост от этого хотя бы перестаёт дрожать.

— Сядь, — говорю Вольфгану.

— Я в порядке.

— Желательно на собственную руку.

Он не двигается.

— Кто держал сигнальный камень?

— Я.

— Пока он не начал жечь?

— Пока Ксандр не замкнул удерживающий контур.

— Решил, что одной чужой магии под моей кожей мало?

Челюсть Вольфгана напрягается.

— Решил, что тебя лучше не терять.

Ответ сбивает приготовленную реплику. Приходится отвернуться к зеркалу, но хвост уже опустился на пол и испортил попытку сохранить сердитый вид.

— Пожалуйста, сначала выслушай, — говорит Ксандр.

— Что со мной случилось?

Ксандр подходит и аккуратно кладёт руку мне на плечо.

— Мы не знаем всего. Но часть воздействия удалось определить и остановить.

— Остановить или снять?

Он не отвечает.

— Что ты нашёл в столице? — спрашиваю Вольфгана.

Тот вынимает из внутреннего кармана сложенный лист, но не протягивает мне. Сначала смотрит на Ксандра, оставляя объяснение ему.

Брат надевает очки.

— В закрытой сводке это называется направленным обращением. Магическая печать создаёт узел, который закрепляется в теле и постепенно меняет его форму.

— Постепенно? — переспрашиваю я, глядя на хвост. — У магов странное представление о скорости.

— Вчера изменение было сильнее, — тихо говорит Ксандр. — Значительно.

Уши прижимаются к голове сами.

— Как я выглядела?

Вольфган отводит взгляд к окну. Ксандр остаётся напротив меня.

— Ты стала выше и тяжелее. Комбинезон разорвался. На руках появились когти, тело покрылось рыжей шерстью. Изменилась форма лица.

На последних словах Ксандр сбивается и крепче сжимает дужку очков.

— Я узнавала вас?

— Не знаю, — отвечает Ксандр, опуская взгляд на перевязанные пальцы.

Пальцы сами сжимают край рубашки. Лучше бы он солгал.

— Ты реагировала на голоса, но я не могу доказать, что понимала слова. После замыкания контура несколько раз пыталась вырваться.

Вольфган медленно добавляет:

— Ты остановилась, когда Ксандр позвал тебя по имени.

Брат качает головой.

— На секунду.

— Остановилась, — повторяет Вольфган.

Ксандр не спорит.

— В архивной записи изменение названо чёрным проклятием, — продолжает он. — В полнолуние подобные узлы усиливаются. Могут перехватывать реакции на страх, угрозу, голод и кровь.

— Перехватывать тело?

— Да.

— И меня?

Ксандр снимает очки. На этот раз не протирает их — просто держит в руке.

— Если узел продолжит встраиваться, ты можешь перестать отличать собственный импульс от вложенного.

Дыхание сбивается. Чужая воля уже умеет двигать моими ногами и тянуть тело к крови; однажды я могу принять её за собственное желание.

Отступаю к кровати и сажусь. Хвост тяжело ложится рядом.

— Что сделал контур?

— Вернул человеческую форму настолько, насколько смог, — отвечает Ксандр. — Остаточное изменение удержалось: уши, хвост, слух, обоняние. Возможно, есть и другие последствия, которые мы пока не видим.

— Он может вернуть остальное?

— Удерживающий контур не лечит. Он не разбирает узел, только мешает ему раскрыться полностью.

Слова даются брату тяжело.

— Если бы я знал, как снять проклятие, я бы снял.

— Ты за него платишь?

— Когда контур принимает нагрузку.

— Это я уже поняла. Сколько?

Ксандр поправляет перевязку на пальцах.

— Пока терпимо.

— Ты врёшь хуже Вольфгана.

— Благодарю, — отзывается капитан.

Я поворачиваюсь к нему.

— Это не похвала.

— В данных обстоятельствах беру всё, что предлагают.

Сухость возвращается в его голос осторожно.

Провожу ладонями по лицу. Новые уши одновременно ловят шорох рубашки Ксандра, шаг Вольфгана и воду, бегущую по трубе за стеной. Звуки накладываются друг на друга, мешая сосредоточиться.

Под рубашкой вспыхивает слабый свет. Вытаскиваю цепочку. На ней висит зелёно-голубой камень в тонкой металлической оправе. В глубине горит спокойный свет.

— Что это?

— Маскирующий оберег, — отвечает Ксандр. — Для большинства людей ты выглядишь как раньше.

— Я могу выйти на улицу с хвостом, а булочник пожелает мне доброго утра?

— Если не наступит на него.

Я смотрю на брата.

— Очень полезное уточнение.

— Оберег меняет восприятие, а не тело. Окружающие увидят привычный силуэт, но прикосновение почувствуют. В толпе нужно держать хвост ближе к ногам и не позволять людям задевать уши.

Хвост тут же оборачивается вокруг щиколотки.

— Он меня понимает?

Ксандр склоняет голову.

— Скорее, реагирует на твоё состояние раньше сознательного движения.

— Прекрасно. Теперь у моего раздражения есть отдельный указатель.

Ксандр берёт чистый лист, но карандаш над ним не опускает.

— Изменение не ограничилось внешностью, Клэр. Узел уже встроился в тело. Тебя…

Он ищет слово.

— Перековали.

Сжимаю оберег. Слово «перековали» режет сильнее, чем «прокляли».

Проклятие звучит как чужая грязь, которую однажды удастся смыть. С металлом всё сложнее: после ковки он сохраняет новую форму, пока его снова не нагреют и не обработают.

Вольфган замечает движение моей руки.

— Нам нужен профессор, — говорит он. — Маг, который работает с повреждёнными контурами и изменениями формы. Мы можем вылететь в Сансити сегодня и пройти прямо в Академию.

Он выдерживает мой взгляд.

— Если ты согласишься.

— А городские власти?

— Не узнают.

Ответ звучит слишком быстро.

— Почему?

Вольфган закрывает дверь и подходит ближе.

— Потому что, если тебя внесут в реестр изменённых, ты перестанешь быть пострадавшей. Сначала станешь случаем, потом — объектом карантина и строкой в протоколе.

Комната сжимается до чужой рубашки на плечах, камня у горла и тяжёлого хвоста у ног.

— Изоляция, печати, стекло между тобой и остальными, — продолжает Вольфган. — Решения без твоего участия. Мы потеряем возможность действовать раньше, чем наступит полнолуние.

Вольфган говорит о нас как о команде, и возражать ему неожиданно не хочется.

Я оглядываю комнату: стул с брошенной одеждой, коробку с запасными винтами, кружку у окна. Вчера это была моя жизнь. Сегодня вещи выглядят так, как выглядят перед отъездом, к которому никто не готовился.

Правая рука Вольфгана остаётся неподвижной вдоль тела. Он ждёт ответа, хотя по напряжённым пальцам видно, чего ему стоит это ожидание.

— Хорошо, — отвечаю я. — Летим.

Его плечи едва заметно опускаются.

— Можно полностью вернуть прежний вид? — спрашиваю Ксандра.

— Не знаю.

Камень пульсирует под пальцами.

— Всё это нереально.

— Реальнее некуда, — говорит Вольфган. — Я не стану обещать, что всё будет хорошо. Обещаю другое: никто не будет решать за тебя, пока мы способны этому помешать.

Ксандр проверяет оберег, просит поднять руки, повернуть голову и пройти до стены. Следит за ушами и равновесием. К концу осмотра его пальцы дрожат уже заметно.

Брат уходит. Вольфган задерживается у двери.

— Лисёнок? — напоминаю я.

— Не лучшее моё решение, — признаёт он и проводит ладонью по затылку. — Ты открыла глаза, и я впервые за сутки перестал ждать худшего. Слово вырвалось раньше, чем я успел его проверить.

— Ладно. Один раз прощаю.

Вольфган коротко кивает.

— Отдыхай, Клэр.

— Обработай руку.

Он машинально прячет ожог глубже в карман.

— Это приказ?

— Просьба.

— Тогда выполню, — отвечает он, вынимая обожжённую руку из кармана и осматривая красную полосу.

Дверь закрывается. В комнате становится тихо, а чинить впервые нечего.

Переодевание занимает больше времени, чем я готова признать. Обычные брюки приходится распороть сзади и по-

ставить две маленькие застёжки по краям отверстия. Пальцы знают работу, поэтому не дрожат.

Надеваю дорожный плащ. Он закрывает место соединения хвоста с телом, а оберег спрячет остальное от глаз. Хвост всё равно придётся держать рядом с ногой.

Внизу меня встречает знакомый запах дерева, масла и металла. Мой нормальный мир.

Переворачиваю табличку на «Закрыто» и иду по списку: погасить горелки, запереть шкаф с чертежами, проверить окна, перекрыть пар. Пока руки заняты, голова держится.

На стойке оставляю родителям короткое письмо:

«Улетели с Ксандром в столицу по делам. Вернёмся скоро».

Над словом «скоро» перо задерживается. Всё же дописываю его и ставлю точку.

Перед выходом касаюсь верстака. Отец собрал его, когда мне было восемь, и сказал, что мастерская должна расти вместе с мастером. Мама позже вбила в правый угол маленький медный гвоздь от дурного глаза, хотя отец три дня доказывал, что он установлен не по разметке.

Гвоздь до сих пор там.

— Не вздумай развалиться без меня, — говорю мастерской. — Я вернусь.

Камень на шее отзывается коротким теплом.

Ксандр держится чуть позади. Высоту он не переносит с шести лет. С виду собран, но руки спрятаны в рукава, и ткань

подрагивает вовсе не от ветра.

Вольфган стоит у трапа и проверяет замки, тросы и крепления. Каждый фиксатор испытывает дважды, прежде чем перейти к следующему.

На одном из замков остаётся тонкая серая пыль — тот же пепельный налёт. Вольфган растирает частицы между пальцами. Лицо остаётся спокойным, однако сердце сбивается на один удар. Новый слух ловит это без спроса.

Раньше я бы ничего не заметила.

— Этот след был здесь, когда ты вернулся из Сансити?

— Нет. Перед вылетом я проверял крепления.

— Значит, кто-то добрался до корабля после посадки.

Вольфган достаёт платок, стирает налёт с перчатки и убирает ткань в металлический футляр.

— Или оставил его во время разгрузки. Ксандр изучит образец в пути.

Вольфган протягивает мне руку.

— Готова?

— В пределах разумного.

Я вкладываю пальцы в его ладонь. Он помогает подняться, но отпускает только после того, как я устойчиво встаю на трап.

Ксандр проходит следом, не глядя вниз.

— До кабины семь ступеней, — говорю я.

— Я умею считать.

— Тогда почему остановился на пятой?

Брат делает ещё один шаг.

— Проверял конструкцию.

Вольфган за моей спиной тихо выдыхает через нос.

— Ни слова, — предупреждает Ксандр.

— Я ничего не сказал.

— Ты подумал достаточно громко.

В рубке Вольфган занимает место у штурвала. Сквозь арочные окна видно, как винты начинают вращаться: сначала медленно, затем увереннее, собираясь в общий ритм.

Мастерская уходит вниз. Бирмингем превращается в карту из крыш, дыма и металла.

На взлёте под рёбрами натягивается тонкая проволока, оберег отвечает холодным жжением. Упираюсь ладонью в стену и выравниваю дыхание.

Стоит признаться, что мне плохо, и Вольфган посадит корабль, а Ксандр достанет мел. Пальцы крепче сжимают ремень с инструментами. Знакомый вес отвёрток и ключей помогает удержаться на ногах и вспомнить, что мои руки всё ещё умеют работать.

Ксандр вскоре уходит в нижнюю кабину, где стены ближе и небо видно только через небольшие окна. Садится за стол и тщательно раскладывает записи, пытаясь бумажным порядком удержать остальной мир.

Вольфган прокладывает курс карандашом по бумажной карте. Никаких магических проекций — только линейка, расчёт и опыт.

У нас один язык. У него штурвал, у меня разводной ключ.

— Ксандр боится высоты и будет делать вид, что его тревожит исключительно устройство мира, — говорю я.

Вольфган ставит отметку на карте.

— Он плохо храбрится.

— Он умнее нас обоих.

— Ум не всегда броня. Иногда он лишь помогает быстрее понять, насколько всё плохо.

Колкость так и не находится. Сжимаю ремень с инструментами и проверяю привычное расположение ключей.

Вольфган спрашивает о высоте, но я слышу только начало. Уши поворачиваются к левому борту без моего разрешения.

Среди ровного гула винтов проступает постороннее движение воздуха. Ритм слишком лёгкий для двигателя и сохраняет расстояние, когда «Сапсан» меняет высоту.

Поворачиваю уши к левому борту, но звук уже растворяется в ветре.

***

К вечеру в арочных стёклах появляются звёзды. Я сижу у бокового окна и перебираю ремень с инструментами. Пока пальцы заняты пряжкой и потёртой кожей, голове сложнее расползаться по швам.

Камень нагревается, замечая сбившийся пульс. В отраже-

нии стекла виден Вольфган. Он стоит у штурвала среди латуни и мягкого света ламп.

В отражении стекла взгляд Вольфгана направлен поверх приборов, к моему креслу.

— Давай договоримся. Я взрослый человек и сама отвечаю за свои решения. Надзиратель мне не нужен.

Вольфган проверяет давление в правой турбине и лишь после этого поворачивает голову.

— Хорошо.

Я жду продолжения.

— И всё?

— Нет. Теперь твоя часть: не изображай человека, которому ничего не страшно.

— Осторожнее, капитан. Это прозвучало заботливо.

Он медленно проводит большим пальцем по резному краю штурвала.

— Это так и было.

На последних словах голос у него садится. Подходящего ответа не находится.

Вольфган возвращается к приборам. Проверяет курс, двумя пальцами поправляет рычаг и ждёт, пока стрелка компаса успокоится.

— Твоя гордость переживёт дорогу, — продолжает он. — Меня больше интересует, переживёшь ли её ты.

— У тебя талант выбирать слова, после которых хочется бросить в тебя чем-нибудь тяжёлым.

Вольфган усмехается.

— Выбирай предмет без острых краёв. У нас высота, — говорит Вольфган, кивая на штурвал. — Хочешь попробовать?

Я перевожу взгляд с него на резной деревянный обод.

— Управлять?

— Да.

— Я разбираюсь в железе, а не в том, как этим железом командовать там, где любая ошибка становится последней.

— Управление — та же механика. Давление, сопротивление и правильное усилие.

— Любимая фраза людей, которые потом объясняют: «Я всё рассчитал, кроме падения».

Вольфган тихо хмыкает. Низкий звук растворяется в гуле двигателей.

— Я буду рядом.

Усмешка исчезает. Теперь он смотрит прямо, без нажима и привычной капитанской непреклонности.

— Вот это меня и беспокоит.

— Разумеется.

Он поднимает левую ладонь, принимая удар, и отступает. Освобождает место, но не уходит.

Осматриваю приборы, рычаги и карту, прижатую медными клипсами к панели. Потом подхожу.

Штурвал тёплый. Дерево отполировано ладонями, резной обод чуть шершавый. Через него проходит дрожь корпуса —

общее движение винтов, тросов, газа в оболочке и ветра за стеклом.

Пока Вольфган держит управление рядом, «Сапсан» идёт спокойно. Затем он убирает правую руку.

Секунду ничего не меняется. После этого нос медленно ползёт вправо, увлекая за собой весь корабль.

— Ты отпустил!

Пальцы вцепляются в резной обод.

— Передал управление.

— Без предупреждения!

— Если бы предупредил, ты бы отказалась.

— Мы уходим с курса.

— На два деления. Двигатели исправны, аэростат держит высоту, а я никуда не делся.

Он стоит за моей спиной близко, но не касается. Голос становится суше и точнее:

— Не дёргай. Веди. Чуть левее. Легче. Ещё легче. Отпусти плечи. Смотри не на стрелку — на линию облаков.

Руки выполняют указания раньше, чем находится повод возмутиться.

Камень на шее отвечает коротким холодным жжением. Внутри срабатывает чужой ограничитель, отмечая резкое движение. Выравниваю дыхание и веду плавнее. Сейчас курс корабля — единственная прямая линия, которую можно удержать руками.

Это помогает.

Через минуту «Сапсан» возвращается на маршрут. Плечи постепенно расслабляются. Хочется удерживать курс ещё немного — хотя бы до следующей отметки на карте.

В детстве я представляла себя у штурвала большого дирижабля. Рядом — родители и Ксандр. Брат со временем предпочёл магию и библиотеки, а я осталась с ключами, заказами и городским допуском. Родители по-прежнему работают инженерами, и несколько дней назад их вызвали в командировку на Юг.

Позже я решила, что мечты о штурвале — детская ерунда, которую приличный механик перерастает вместе с короткими рукавами.

Не переросла.

— Не спорь с кораблём руками, — говорит Вольфган. — Он не любит резких доказательств.

— Я убеждаю его не убивать нас по глупости.

— Разумное начало переговоров.

Возвращаю ему штурвал. Ладони всё ещё помнят его вес и тёплую дрожь дерева.

На полке у стены замечаю жестяную коробку с вмятиной на крышке.

— Это что?

— Печенье.

Я смотрю сначала на коробку, потом на него.

— У тебя на боевом гильдейском дирижабле хранится печенье?

— Во-первых, корабль не боевой. Во-вторых, я не кружева с любовными стихами здесь складирую.

— Кружева стоит искать в другой коробке?

Вольфган снимает крышку и достаёт кривоватое печенье с тёмным краем.

— Ешь, пока я не передумал.

Я осторожно откусываю. Печенье сухое, с орехом, и пережило не один перелёт.

— Ты сам это приготовил?

— Нет. Иногда печёт старуха в доках, если я не спорю с ней о ветре и её внуках.

— Ты умеешь не спорить?

— Редко. Поэтому печенья мало и оно подгорело.

Смех вырывается неожиданно и поначалу больше похож на кашель. Через несколько секунд уже приходится прикрывать рот ладонью.

Вольфган закрывает коробку и оставляет её ближе ко мне. На короткое время остаются только подгоревшее печенье, ровный гул винтов и знакомое присутствие рядом.

Где-то вдоль корпуса раздаётся сухой щелчок. Не в шестернях и не в креплении. Звук проходит по обшивке короткой искрой.

Стрелка компаса дёргается вправо. Гильдейская сигнальная пластина под стеклом вспыхивает тусклым светом, а камень на шее отвечает холодным ударом.

Вольфган мгновенно переводит маленький рычаг у края

панели в крайнее положение. Золотая стрелка на пластине гаснет.

— Что это было?

— Перепад во внешнем защитном контуре.

— Нас проверили?

Вольфган удерживает рычаг, следя за приборами.

— Не знаю.

— Но канал ты закрыл.

— Да.

— Почему?

— Неизвестный канал сначала закрывают. Потом выясняют, кто по нему стучал.

Ночью Вольфган меняет маршрут. Прямой путь до Сансити короче, но он поднимает «Сапсан» выше торговых линий, обходит санитарные маяки по внешней дуге и до рассвета держит корабль за пределами столичного кольца.

***

К утру Сансити поднимается из тумана: купола, башни, мосты, ровные ряды домов и широкие проспекты. Даже с высоты видна строгая геометрия кварталов.

Главные улицы уже промыты. Вода стоит тонкими полосами у края мостовой и стекает к решёткам коллекторов, куда город отводит всё, чему не место на парадных проспектах. После Чёрного года каналов чистоту закрепили законом

вместе с порядком проверки печатей, пропусков и маршрутов.

Город красив, но спокойствия эта красота не приносит. Внимание быстро переключается с башен и посадочных площадок на людей в форме, ворота и расстояния между ними.

На самом краю слуха проходит тонкий сухой сигнал — царапает воздух и исчезает между городскими маяками. Скрытые оберегом уши поворачиваются к востоку.

— Что? — спрашивает Вольфган.

Я смотрю на спокойную стрелку компаса.

— Ничего.

Он задерживает на мне взгляд.

— Когда «ничего» станет «чем-то», скажешь.

— Разумеется.

Собственная ложь оставляет во рту металлический привкус.

Мы швартуемся у здания Гильдии исследователей. Здесь ей принадлежат площадка, охрана, флаги, латунные таблички и здание за ними. От раскрытых дверей тянет машинным маслом, полировочным воском и свежей бумагой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.